

Борис КОЛЫМАГИН

ЗЕМЛЯ ОСЕНИ

Борис Колымагин

Земля осени

ИП «Центр современной литературы»

Колымагин Б.

Земля осени / Б. Колымагин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-088-4

Это совершенно удивительная книга. Она прозрачна, как бывает осенью прозрачна Земля. Когда видно не только «от Москвы до Хабаровска», как в августе (известные слова известного поэта, слегка нахрапистые, хоть поэтически точные), но от земного ядра и до стратосферы. Видно иначе, другой взгляд: как «корабль — / бесконечности последней навстречу». Богатый и верный язык, очень спокойный, и много слов — что непросто, учитывая минималистскую закваску — стоят хорошо и благодатно. И есть в них сила; не знаю, как обходиться с этим словом в родном языке, уж больно страшна сила на Руси — но сила есть. «С виду / такой весь из себя / а случись что — не обопрешься», — так тут не так. От чтения делается легче. И вот скажите, не покривив душой, от чтения чьих стихов — десятых ли, нулевых годов — становится легче?

ISBN 978-5-91627-088-4

© Колымагин Б.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Сергей Морейно	5
Земля осени	6
Кочевое утро	8
Абхазия	15
Земля осени	21
Отношения	29
Костерок моего сюжета	37
Касание к последним вещам	45
Back in the USSR	51
Вентспилские записки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Борис Колымагин

Земля осени

Сергей Морейно
Земля осенью

Это совершенно удивительная книга. Она прозрачна, как бывает осенью прозрачна Земля. Когда видно не только «от Москвы до Хабаровска», как в августе (известные слова известного поэта, слегка нахрапистые, хоть поэтически точные), но от земного ядра и до стратосферы. Видно иначе, другой взгляд: как «корабль – /бесконечности последней навстречу».

Богатый и верный язык, очень спокойный, и много слов – что непросто, учитывая минималистскую закуску – стоят хорошо и благодатно. И есть в них сила; не знаю, как обходиться с этим словом в родном языке, уж больно страшна сила на Руси – но сила есть. «С виду/такой весь из себя/а случись что – не обопрешься», – так тут не так. От чтения делается легче. И вот скажите, не покривив душой, от чтения *чьих* стихов – десятых ли, нулевых годов – становится легче?

Мы познакомились в Вентспилсе, зимой. Начинался Великий пост, он много ходил по церквям. Вспоминаю, по воскресеньям – отказывался или нет – от рюмочки? Я думал: в чем его вера, каким Бог видится – и видится ли – ему в топких февральских снегах? Потом, из стихов (кажется) понял. «Но в тупике, в самом, казалось бы, да. Вдруг вспоминаешь возникшую некогда вершину и делаешь как бы всегда первый шаг».

Разумение Господа отложу в сторону, а вот что он действительно принимает разумно – так это то, что в мире есть сатана. Видит поле (деятельности) его – и не ерничает, не отшучивается, не богохульствует и не бежит. Берет лопату и окапывает поле по кромке, как окапывают место пожара, чтобы огонь не шел дальше. И ты тогда можешь встать у рва и смотреть: страх, ужас, река огня. Но есть и река воды; ты – в «междуречье надежды».

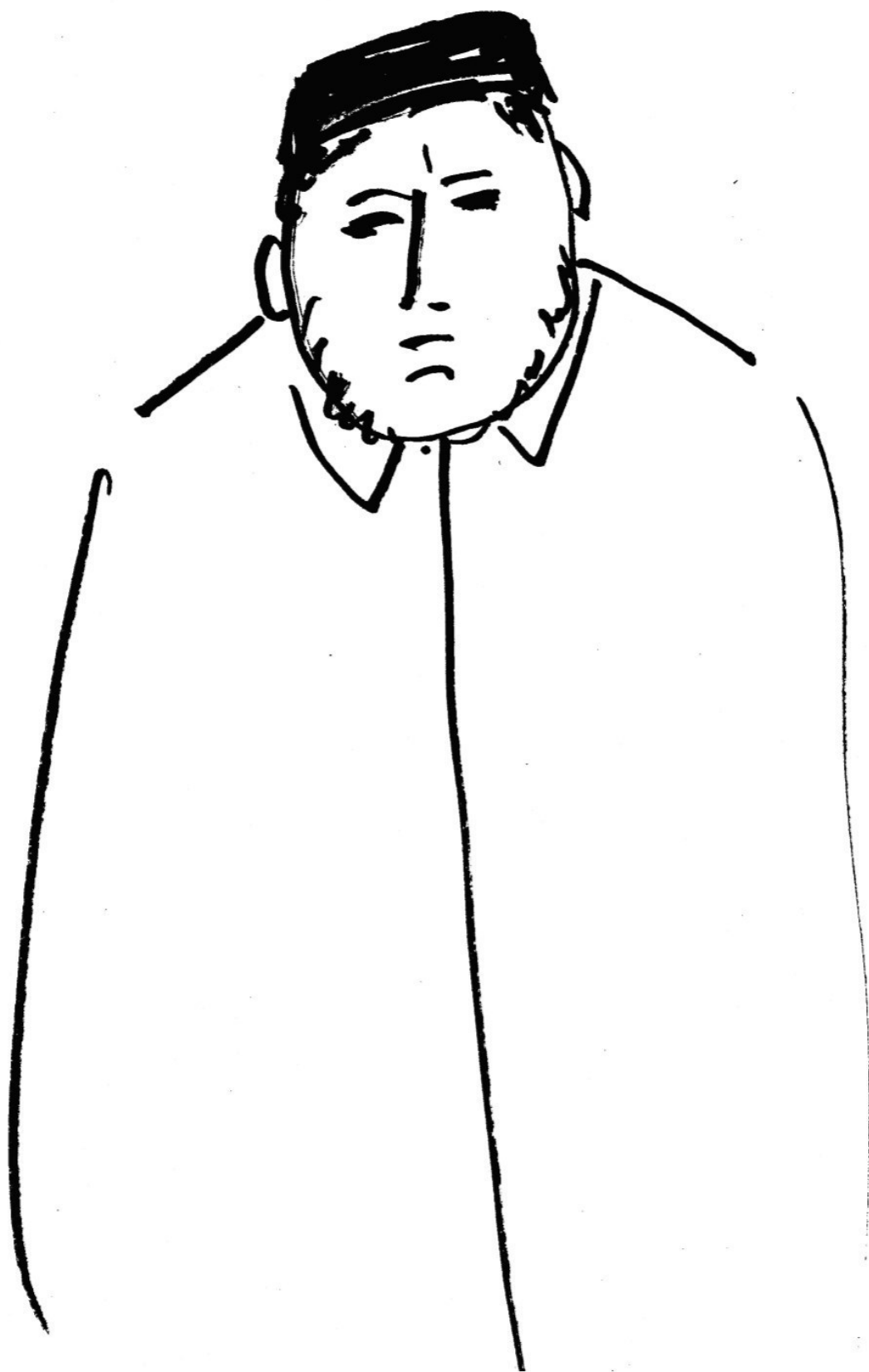
Это силуэт, наведенный пальцем на мокром от дождя стекле – снаружи, или – реже – на запотевшем, изнутри. Светлый вытопленный дом, правда удобств минимум. За дверями лес, но нет ничего в руках – ни кола, ни кайла. Хорошо, если шапка: добрый человек – приветить, а злой – пугнуть. И помогает. «И перед образом владычицы ему, как когда-то, как из другой жизни, пришла теплая, слезная молитва. И он попросил: «Заступись!»

Предельно точно схвачен пейзаж. Подмосковный, приволжский, приморский. Точен до слез, до приторности – вот-вот растворишься, как сахар в чае. Спасает ирония. Вдруг постмодернистским штрихом врывается Тютчев: «...я лютеран люблю богослуженья». Это – Виндава, Вентспилс. И опять серьезно: «А в узком немецком окошке – на грани чего-то с чем-то – даль. Она, Маргарита то есть, и Мефистофель. Звуки органа – высоко-высоко – зовут. И не про меня – а все-таки...» Это – Раушен, Светлогорск.

Два вектора, ведущие к холодному морю – выход или побег? А еще Таллинн, рыба кожа. Вечная тяга смешать свою живую воду с нашей мертвой. А, может, наоборот: «Давай, брат, пойдем весной в Иерусалим и разобьем наш шатер у хладных вод». Курс – на глубину, на ее пульсацию, показания термометра не существенны. Если затягивает в водоворот, ныряй глубже (здесь можно цитировать бесконечно).

Прекрасная книга. «...И на земле осеннего стыда, – некогда написал я, – я ни псалмов Давида не услышу, ни дудочек ужасного суда». И вот, смотрите-ка: «Давид/улыбается улыбкой/грустного человека/и объясняет/как найти развалины крепости». И вот, теперь говорю (о Земле) – и осенней славы!

Земля осени

Кочевое утро

кочевое утро
и нулевое
по всем параметрам
кроме
пульсации глубины

оставь это дело на час
и отвори двери сердца

я не готов убираться там

оставь,
чтобы принять гостя

я брошу все

и уйду в поход
в междуречье надежды

оставь и иди
дело внутри тебя

В. Месяцу

Люди питались светом
и детей зачинали от радуги
а искусства мужчин,
в нашем смысле,
не было,
потому что мужчины были монахи
и не порхала мысль
бабочкой,
а пребывала в сердце
восьмым созвездием
в лето воды-овцы

За поворотом летит слово судьбы
но я оставляю его в ноль
я радуюсь погожему дню
и шоколаднице на бархатцах
шоколадница двигает крыльями
и яблоко, прорезая листву,
гулко стучается о землю
вода сводит яйца
но я все равно окунаюсь
и бегаю в лес.
За поворотом
Колесо убило моего сына.

Вспоминаю – и стекленею
превращаюсь в ноль.
Но обратное ничто
еще не ничто
еще не конец
я радуюсь
тихо тающей жизни
и надеюсь на встречу.

Это луна
Или не луна?
Нет, фонарь.
Нет, окно
На самом верху
Окно и луна.

Широкая тень
одинокого мельника
по берегу
XIX век
где черти были
кузнечики цок-
цок – лекарство
июльская вата воды.

Ни и не
В твоём окне
Тополь быстро облетел
А на яблоне
Еще красные яблоки
Соблазна.

И в одиночестве последнем
едва ли не
заключены
за северной рекой

осеннем
пределе месяца-луны
останется едва ли но
земля прекрасная – на дно
но обернемся —
и с весельем
за легким платьем новизны
и в одиночестве последнем
не будет месяца-луны.

Абхазия

У лианы стена не пройти берега
по обрывам цветенье и гул
раздвигают веселые струи долину
и упрямо волами блестят
и скопленье камней обтекают, левей
боевое оружие – шипы
наступает десант, убегают войска
по кустам рассыпаются жители гор
все селения – доты,

осколки сознания старой вражды,
распахнули ворота – встречают
туристский поток.

Ночью волк
отогнал жеребенка
от стреноженной кобылицы
и задрал
обычная история
Давид
улыбается улыбкой
грустного человека
и объясняет
как найти развалины крепости
в горах
Давид —
ветеран войны
маленькой страны
пришпиленной к морю –
доит корову
животные здесь
ходят с колокольчиком
и небо звенит —
вперед!

Вынырнуть
из потока образов
и полноты переживаний
выскользнуть
из постели
по нужде
к несильному солнцу
и защебетать
пауза
пожмуриться
в зоне перехода
из аквамарина
в реальность гортанного дня

Ручей пересох
и только цветущая яблоня
в русле
еще беседует
со струей.

Я полечу – узнай весну с обрыва
Я полечу— последний шепоток
Последняя листва в струе обрыва
И корни вверх – на запад и восток.

И ветер – круг, открыто – для кого-то,
И круг воды за камнем обливным,
И неба круг – блаженная суббота,
Воды и солнца вечная работа
У поворота к дальним и родным.

Я прочерчу в воде изгибы линий
И места дам расти – кому расти.
А неба круг – и серенький, и синий.
И стрелка – шаг навстречу, без пяти.

Птицы пощебетали
пока не включили
бетономешалку
и мир превратился в объект

мне нравятся шуплые рабочие

в замызганной униформе
их голоса —
лай дворовых собак
их передвижения —
ритм стройки
и элемент стабильности:
работа есть!

а рядом руины
дворцов для рабочих
башенки и колоннады
куски арматуры
с бетонными набалдашниками
на связке
железнодорожной ветки
геометрия рая вчера

всё живет в своем времени
я делаю глоток зеленого чая
и убегая в горы – дышать

Мы все заполнены
штрихами ночи
мы все похожи
на огни без точек
и мусульманский месяц тетивы
рассвет не даст
пока устали мы
пока по склонам мрака
сердце кружит
и ничего внутри не обнаружит
но резки сны, спутники зари,
толкают в бок – проветриться сходи
и вот идешь на раз, на два, на три
и утренние звезды близко

На рассвете, в полмазка
брешут собаки и петухи достали
за мандариновым садом тропа узка
проще лететь, раньше летали

женские формы освоил юг
умри фантазия – неба круг

Земля осени

Сижу до трёх
И после
Не засыпаю.

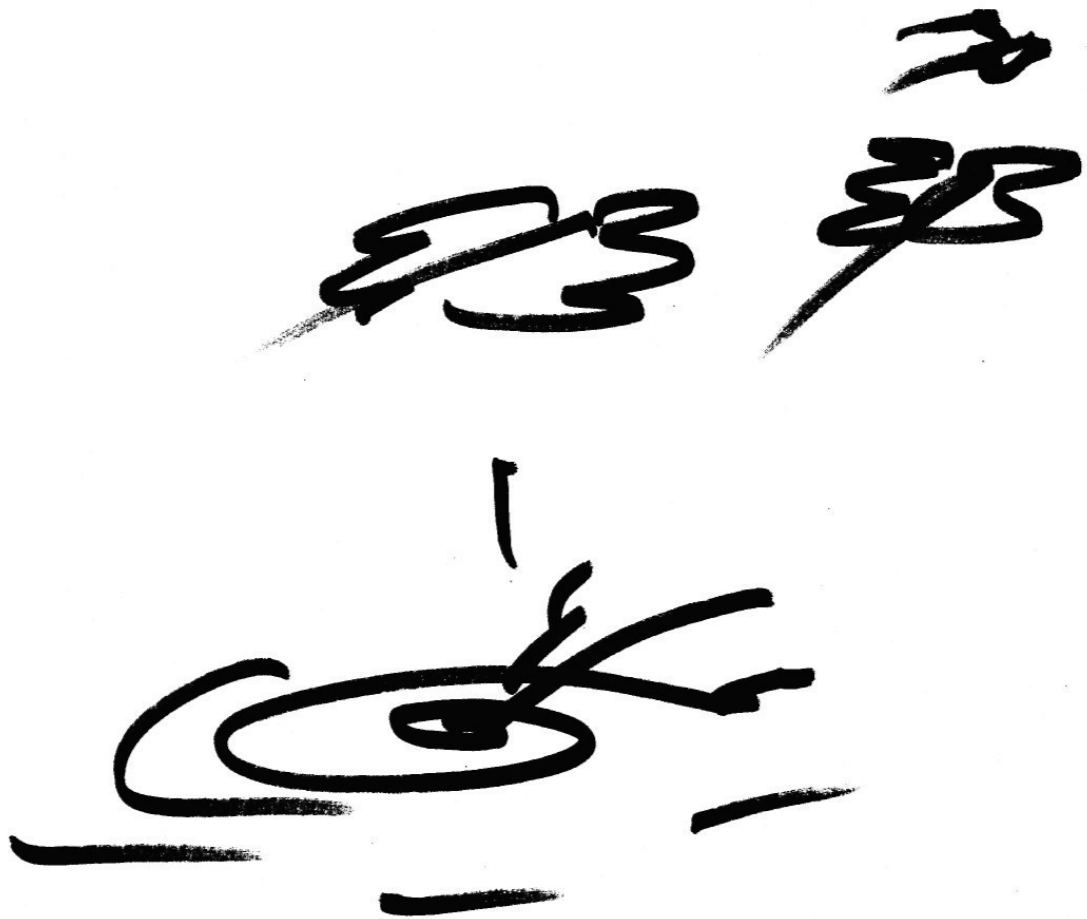

Крутит – это одна ситуация
а вертит – другая
и из другой комнаты
в третью
с опорой на новые смыслы
живая вода общения

надежда
не тает
а
риторическая фигура
то есть слова и реальность
расходятся

просто дождь.

На стыке болотца и леса,
Между стихом и прозой
Хрустальный день.

По отражению дерева
Перебегаю на ту сторону

Птица: там-там ау

Там-там ау
До Калог
Так и иду.

Долгая беседа с собой:
А не дурак он.

Ой-ой-ой!
Каконькать захотелось

Хорошо, что в лесу
В любом месте.

ВОЛЕЙБОЛ НА СНЕГУ

Лес дальнего поля
о-и
и лыжня
о-я-о
в ожидании волейбола
уес
внутри проигрываешь
красивый пас
через себя
я-я
и удар
о
я-о-и
весеннего субботнего дня
в лесу

ПАРАМЕТРЫ СТИХА

От солнца до

Вселенского паладина звука
В ущелье беды
Или долины счастья
От – до
Это касается пищи,
Среды обитания,
Геометрии внутреннего «Я».

Давление скачет. Затылок.
Немного осталось опилок
Квадрат пузыря головы

Стучат без конца молоточки
И точки – и кочки, и кочки,
И кочки, и волны травы.

Лекарство – одно разоренье
И радости старость – старенье
Давление скачет, увы.

Да неплохой он мужик
и бэкграунд лёгкий, арбатский.
Только болтает всё время.
Достал.
«Володя, – нахмурю брови, – молчим
пять минут».
И молча кроем крышу в Завидове.
Квартира в Москве у него йок,
продал, а деньги – в песок.
Нету денег.
И здесь на птичьих правах,
на честном слове.
Пенсию до сих пор не оформил,
лет восемь как собирается,
да всё недосуг.
Всё фантазии на
двадцать пять лет вперед:

заняться фотографией,
выстроить дом в виде шалаша,
стать плотником, садоводом.
В сельском храме у Володи родня:
дед на стене изображен
в лике святого —
расстрелян в тридцать восьмом.

СТИХИ ИЗ МОЛЧАНИЯ, ИЗ ДОЖДЯ:

Диски
Впережку с книгами и тетрадями.
Низкое небо – продолжение стола.

Дождит – и в деревьях движется сок
Навстречу словам.
Они кружатся над тальми водами.

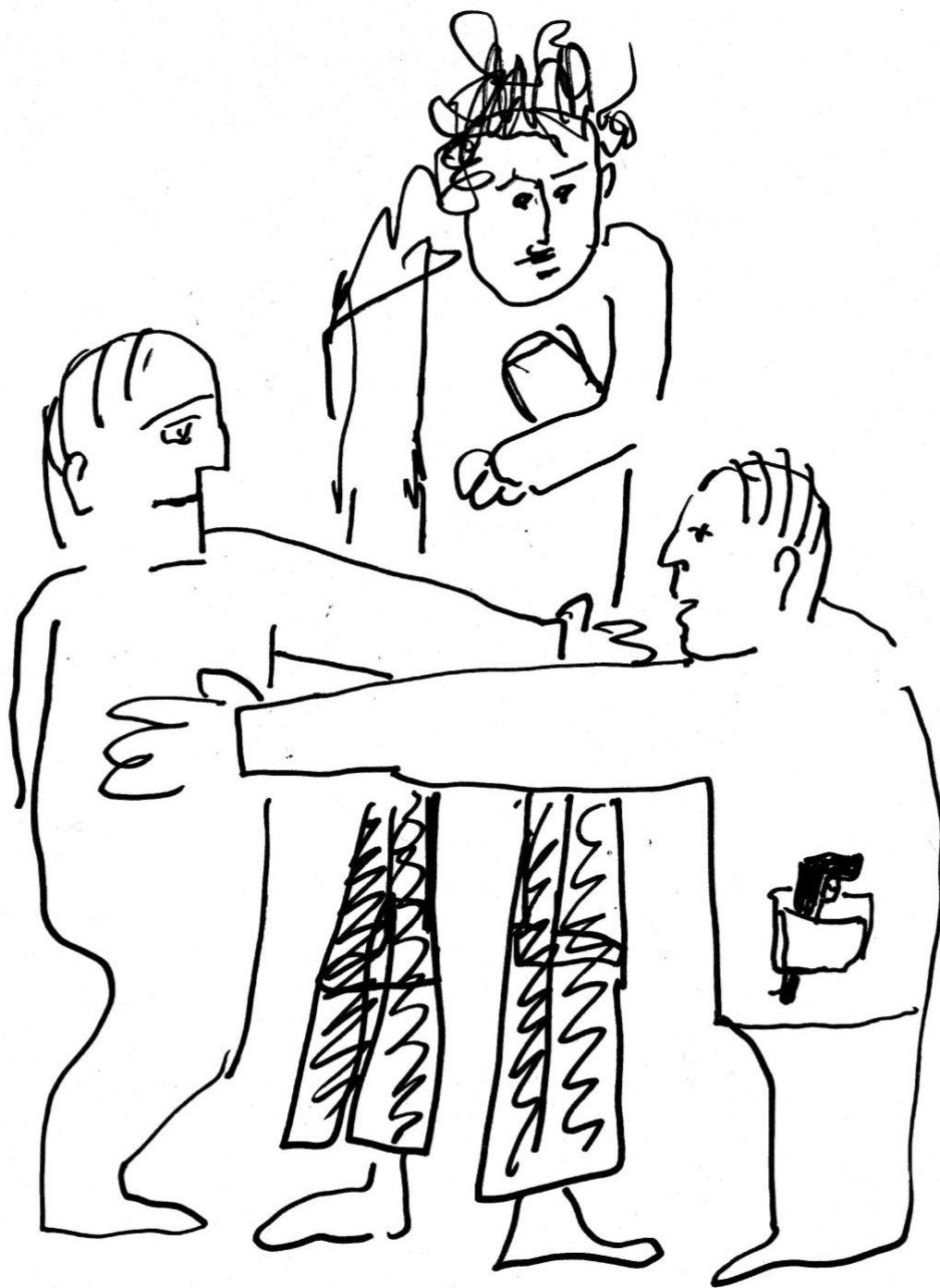
Старый способ записи:
Бумага и ручка.
Лень подойти к компьютеру,
Нажать кнопку.

Небо низкое, без просветов, и хочется
просто лечь.

Но внутри
Движется слово
Словно сок в дереве.
Стихи из молчания, из дождя.

Есть во всем такое вот
отчего душа поёт
грузди – лужицы на шляпках
прижимаюсь плотно – зябко
и за шиворот – отвесно
так торжественно – и тесно
одесную и ошую
мысли умные шинкую
и гляжу – тропинка вроде
(это, кстати, о свободе)
и – и длинно, длинно – и
полетели-и.

Отношения

Всё время на поверхности —
cheese —
улыбается
а внутрь не пускает.
А может
и нет

ничего у него
внутри —
один cheese?

Единственная зацепка —
боковые пути общения...
И по касательной,
по касательной
новые смыслы
внутри
и копейка-судьба
сзади

С виду
такой весь из себя
а случись что – не обопрёшься

УЛЬТИМАТУМ

Пожил здесь на халяву – и хорош,
вымётывайся
а он всё крылышками, понимаешь,
машет —
жук такой!

За передёрнутой
в пустой квартире
занавеской
сдвинут мир
в обрез впечатлений
живого пространства,
в память
о прошедшем завтра

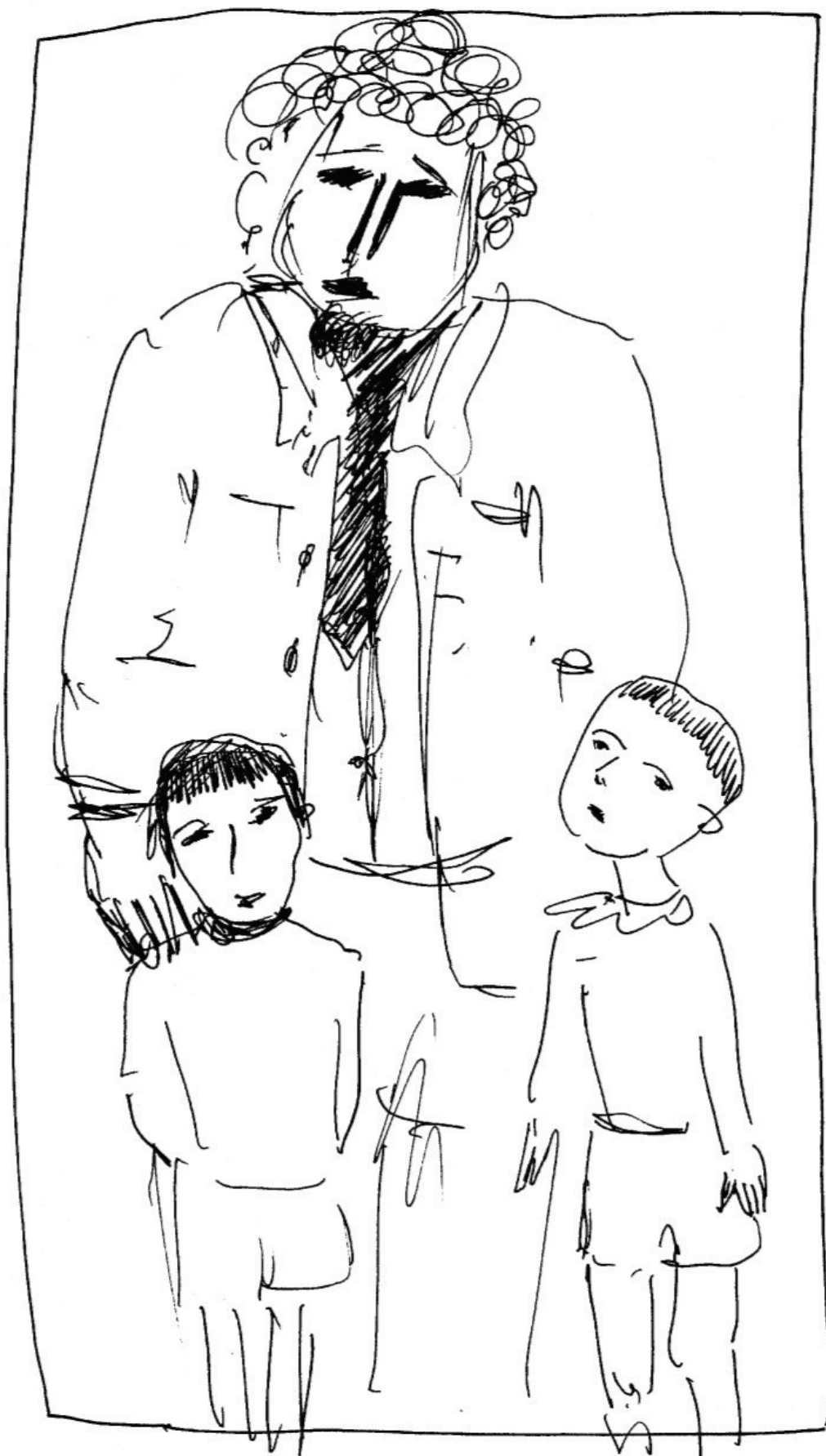
Лежать

проветривая яйца
и наблюдать как неба круг
легко и просто
превращается
в змею
она ползёт
и нету места
от занавесок

ТОРЖЕСТВО ТЕХНИКИ

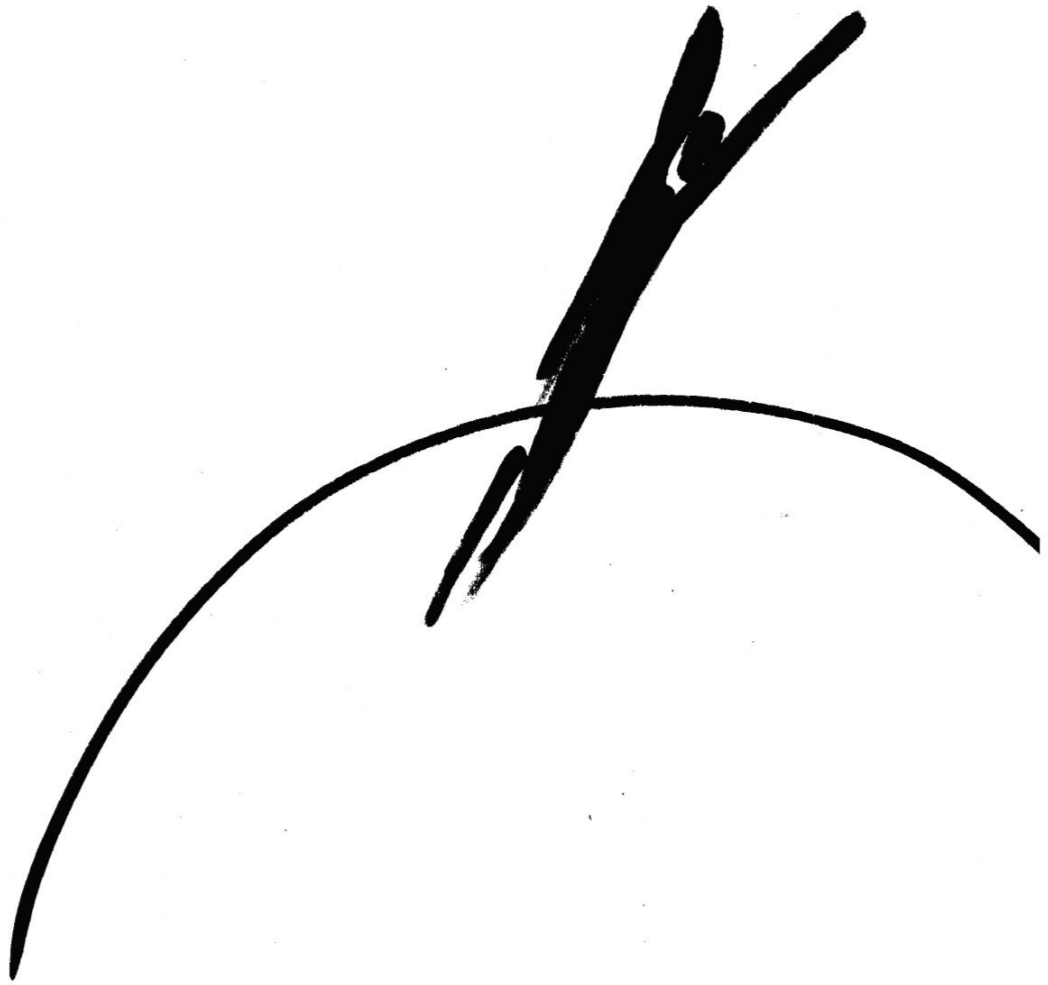
Через каскады труб
и завалы
чешут машины – дачное направление.
«Спой про машины», – просит сын.
Мы засыпаем
в нашем завидовском доме
с окнами в сад,
за которым
шипит шоссе точно змей.
Солнце садится
и туча, как бабочка над селом,
хочет его закрыть.
«Я расскажу лучше про бабочку.
Она дружит со змеем», —
пытаюсь я перевести разговор.
«Про машину», – требует он.

На краю одиночества
и полной невозможности ничего
за границей себя
сам
за вертолетом и синевой
ТО ТВАМ АСИ

Проснуться
просто в другом месте
с другими возможностями,
и токи творчества,
зов свободы:
пошли, полетим.
Человек – это не только «Я».
Это овраги и пустыри,
камни культуры
и «мы» общения.
Другое место.
Проснешься —
и полететь

Я ищу параллельную плоскость —
ускользнуть от бреда работы
и заняться своим по жизни,
погрузиться в покой субботы,
то есть выйти на край обрыва
и отдаться полёту – шире —
эта странная неба жёсткость.
Дважды два, конечно, четыре.

Он просто весь задёрган и растрочен
и жёсткими штрихами обозначен,
закатан в обстоятельства сует.

Но в нем ещё живет наивный мальчик
и прыгает в словах веселый зайчик
и мы по телефону tet-a-tet

И мы по телефону проговоры,
Набухших почек серые узоры
И бег на месте – на зелёный свет.

Неуверенный, неприкаянный
добавим:
как ошпаренный
стоит у
у – какой грозный дядя

сколько в нем благодати —
один живот чего стоит
а в сущности – ребенок
крутит белками
и не понимает:
сюда не пускают

Эти люди не дадут подвинуться
и упасть и просто опрокинуться
а по струнке: я – не я
тоненький зазор и из туннеля
вроде, легкая неделя
тополя
пух, и полетел, смяли
мы бывали, иногда бывали
запятой
бесконечно занятой.

Костерок моего сюжета

Путем огня моя сторонка
На поле Куликовом сил
Символика восстала звонко
И меч – из ножен и могил

За мифом миф в просторах серых
Лишь солнце выглянет на час —
Святая сила армий белых
Сияй доспехами на нас

На вас, на вы – Непрядва к Дону
И устоять – не устоять
И ангелы восходят к трону
И в силе мышцы – благодать

И у Прощеного колодца
Они собрались и вокруг
Миф распустился словно солнце
И я, и ты, и он – сам-друг.

Внутри меня всего немало
и утро бьется как попало
и не хватает ерунды
живой воды

и перечеркнутый на слове
всегда во всем и наготове
уйти неведомо куда
и навсегда

я остаюсь в своей берлоге
я у экрана при дороге
в пустыне вечных новостей
но нет вестей.

Д. Авалиани

Митя крутит стертые слова
Разрывая оболочку смысла
Прочитаешь: солнце и трава.
Повернешь листок – и зверя числа.

Митя бродит возле и вокруг
Прочитаешь: Таня или Коля.
Повернешь листок и видишь: «друг»
Или «воля». Закорючек воля.

Митя сядет на воздушный шар
Потеснит горбом седое небо
И уйдет – культуро-слово-вар,
Словно вовсе не летал и не был.

Но в круженье ночи, в час живой
Митина игра над головой.

Закрылись желтые страницы
Державы титульный разор
И ветер – ястреб за границы

До самых потаенных нор.

И отступая в день нездешний,
Продлить пытаюсь полотно:
Сюжет пути и крик потешный,
И утро синее окно.

Но в тишине давно условной
Летит прощание – прощай
И небо серостью просторной
И снег валит на слово май.

Из т. д. масс-медиа бетона
в лес – размыть знакомо грусть
головой пошатываясь клена
хоть на миг обратно повернуть
ходит он – но несть ему возможность
мягких мхов и золота в горсти
и опять стреляют сколько можно
отойди – из Фета – отпусти.

Вот – точка это. И точка опять.
Утро туманное – долго молчать.
Утро незрячее, без запятой,
бродишь по комнатам – слабый, пустой
прочий – в тумане легком своём:
прочерки, точки, и все – ни о чём.

Я помню, милая, с тобой
мы выходили в час ночной
гулять.

Мы выходили в темный сад
лет сто, наверное, назад

скучать.

Мы выходили, может быть.
Перечитай, чтоб не забыть
Фета.

Впереди лето.

Лютой плоти
взор напротив:
страсть, затиснутая в жест —
в беспокойном повороте
головы —
вдогонку чресл.

В час беспечности далекой
возле у какие сны
мы с тобою, друг широкий,
в беспокойствии луны

мы с тобою, друг просторный,
перед – что там впереди? —
говорим: рукав узорный
отмахал давно в груди

мы с тобою, друг склерозный,
после, за, давно назад
слышим весело и звездно
колокольчики звенят

декадентские напевы
бормотанье старой девы.

За – не знаю зачем и сколько —
за эпитет, за просто – ой!
улыбнулся герой – и всё тут!
полетел, исчез за горой.

На границе меня и мира
есть дела, семья и квартира,
и привычный полет в метро,
и словечко-намек: зеро.

Солнечный лед реки разбега
Детская радость первого снега
И лесопилки пронзительный гул
Я убегаю, и утонул
Лес вековой за краешком света
И костерок моего сюжета

Касание к последним вещам

Нервы едва шекочут паркета
не сквозняка
мягкая линия онкоцентра
рассвета
можно
на краешке глаза подвигать предметы

и не заметить шагов
упрямой бессонницы
явного продолженья
вчерашнего.

Из нечувствия
ибо окаменело сердце моё
и не радуется о спасении души:

сохрани в ограде Церкви Твоей
от помышлений суетных
отврати
и —
долгое бабушек пенье
записочки
поминальные
за десять
и за пятьдесят
со-средо
точива
медо
молитва
душу питает.

Сегодня во мне совершалось движенье
похожее на вдевание
нитки в иголку
с непременным промахиванием:
не туда
и опять возвращенье
пока не
прошел в игольное ушко
и поспешил к вечерне.

НАЧАЛО МЫТАРСТВ

Русский север олень охоты
Разбивает прозрачный лед
Я оставил свои заботы
И скрылся за поворот

Уплывают белые горы,
Слева, справа барашки волн
Я оставил земли проговоры
И направил в струю челн

Конь и пешка, и мат в два хода
Варианты игры земной
Я оставил безумье рода
И нырнул за синевою

Но за краешком неба, в сказке
Меня встретили неба маски.

И люди словно деревья
на остановке
без всякого
бого-
подобья
паденья
парус
и тот вдали —
веселый такой отшельник

Охотники на машине поколесили
пык-мык – обгоняют ребята
с корзинками или
облака – не спеша – в свой черед.
Хорошо здесь, в ельнике,
прогуливаться взад – вперед
по мхам глубоким: пОхрусты и постУки,
«с легкой печалью», заламывая руки.
Но за этим пейзажем
не возникает души пространство:
ни трудов новых, ни преодолений,
ни любви даже,

а так – постоянство
усилий на выживание:
посадил, уехал,
легкое недомогание,
слег – пепел.
Затухает традиция, определилась
жизнь и заключилась в рамки:
и не понесутся под горку санки.
«Пройти – пойдем», —
повстречался, наверно, леший
с ружьем
и растворился в отчетливом,
фотореальном пейзаже,
и даже... чего, собственно, даже?

Чистый Понедельник
ты меня прости —
возьму веник
подмести

На кухне вымыта посуда,
и, подметая пол покуда,
я слышал как внесли сосуд:
благоухающее миро.
А небо было сиротливо.
Мария – слышалось – зовут.
Она у ног Его сидела,
ловила слово и глядела,
и миро в волосах ее.

Провалы быта. Бытие.
Душа готова, как Мария.
Ах, эти помыслы благие.
Но я, как Марфа. Боже мой!
Не завлечи меня гордыня.
Не упрекну. И сам отныне
не в суете, но с суетой.

«Путь, который выбрал, —
совершился», —
так сказал – и в яму провалился:

Back in the USSR

Старухи в очереди жмутся,
столовая дрожит как блюдо,
к подносу тыркает поднос.

Пролился суп, но стол достойно.
Я примостился, мне довольно —
от пота, запахов зарос.

Но лето – резвая комета,
глядит как лозунг с того света,
сопит и крутится всерьез.

Я выбираюсь своевольно
к троллейбусу и – пшел! – спокойно
по шару-шарику вразнос
лечу как блюдце, как поднос.

В берете синем у крыльца
стоит товарищ без лица
и шепчет громко: «Подлецы!»

Уснула очередь за ним.

А два могучих продавца
в ответ кивают без конца
и повторяют: «Подлецы!»

И выпускают дым.

Душистый дым от сигарет.
Товарищ – да, товарищ – нет.

«В храм наместни детей носили». —
«Скользко, поди?» – «Потихонечку
шли.

Младшего, надо давно, причастили,
с старшим водицы святой испили,
просфорку съели, к кресту подошли».

«Ох, хорошо! Лишь бы в школе
не знали».

«Знают, вот горе, позавчера
отца к начальству-то вызывали,
говорили, вишь, объясняли,
а то, мол, с работы уйти пора.

И учительница, ах, я не знаю...
детей поставила, давай ругать,
о ин-кви-зиции... не понимаю...
до трех часов ведь... Бог с ней,
какая...»

«Ну что ты, что ты, мать!

Все ничего! Господь спасёт,
Пресвятая Дева покровом покроет,
святой Пантелиимон исцеление

принесёт».

Утро плотное, утро совсем
цып-цып-цып – прибегут – им мало
каша манная
духота
наступает
и растёт.
Подберу слова:
«плоть» и «смерть»
наколю дрова
на крылечке присяду
«Мда, —
сосед —
то да сё —
в коммунию
(палец вниз)
собираюсь.

И не зная ни утра ни света
беспокойства весеннего для
я в вагоне сижу без сюжета
и глазею на девушек бля.

А калека подносит открытки
всяких тварей: купине хочишь?
завяжу шнурок на ботинке
потянусь и того – поспишь.

В дружественной обстановке
я шагаю по Петровке,
где аптека, где музей,
где троллейбус-бармалей.
И с веселою толпою,
с газированной водою
всё мечтаю, всё спешу,
одиночеством дышу.

Несутся школьники по кругу
вдоль по решеток и дворцов.
Я осень – тихую подругу —
спокойность синяя цветов.

Здесь пил вино, здесь целовались,
вдоль по, вдоль за – канала за
такая жизнь, такая малость,
экскурсионные глаза.

Сейчас присяду на скамейке
и – осень, Болдино – на старт.
Но нет! Прохожий в телогрейке
стоит «подвинься» тут как тут.

Ни декабрьским ледоходом
ни волненьем tete-a-tete
в передряге дальних лет
Блоком ни иль теплоходом

греет не, томит несколько
навевает никуда
а – отчетливые строки
петербургская судьба

не чахоточный, возможно
а закрученный, затем
не сумняшеся ничтоже
между всех и – между тем

Дачи – их много – в сосновом
за Щучьим – трасса, перегоняют
коньковым
шагом мечтающего, цепляет взгляд —
компания поддатая – к Ахматовой
лыжи громкие – по шершавому —
к даче

мимо колодца – и не иначе
картошка с селедкой, водка
(Ахметьев добавит: молодка)
возле залива, да-с, культурно,
недалеко от Санкт-Петербурга
непонятно что там дальше
и как там дальше:
семью стихами не прокормить.

Возникали чувства всякие,
выходили люди важные
и читали по бумажке,

и играла всюду музыка,
развеселая такая.

Друг за другом наблюдали —
как одеты и обуты.

Улетали в небо шарики,
громко хлопали ладоши
и, казалось, все хорошие.

Молоток неугомонно,
свежесть краски – обновленье,
новых парт столпотворенье,
теплый дождик – на сентябрь.

Я – всем новый – оживленно,
класс – от шуток, и косички —
засмотрелся. «А, отличник!» —
Колька выполз как дикарь.

Чинят стенд – пошел на помощь.
Колька сбоку снова тянет,

а Наташка и не взглянет,
что-то пишет в дневнике.

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Звезда послушно кобылкой
глядела сумрачной опилкой,
труба раскинула дымы.

Вторая смена шла забором,
помято избы косогором,
и перетявкивались псы.

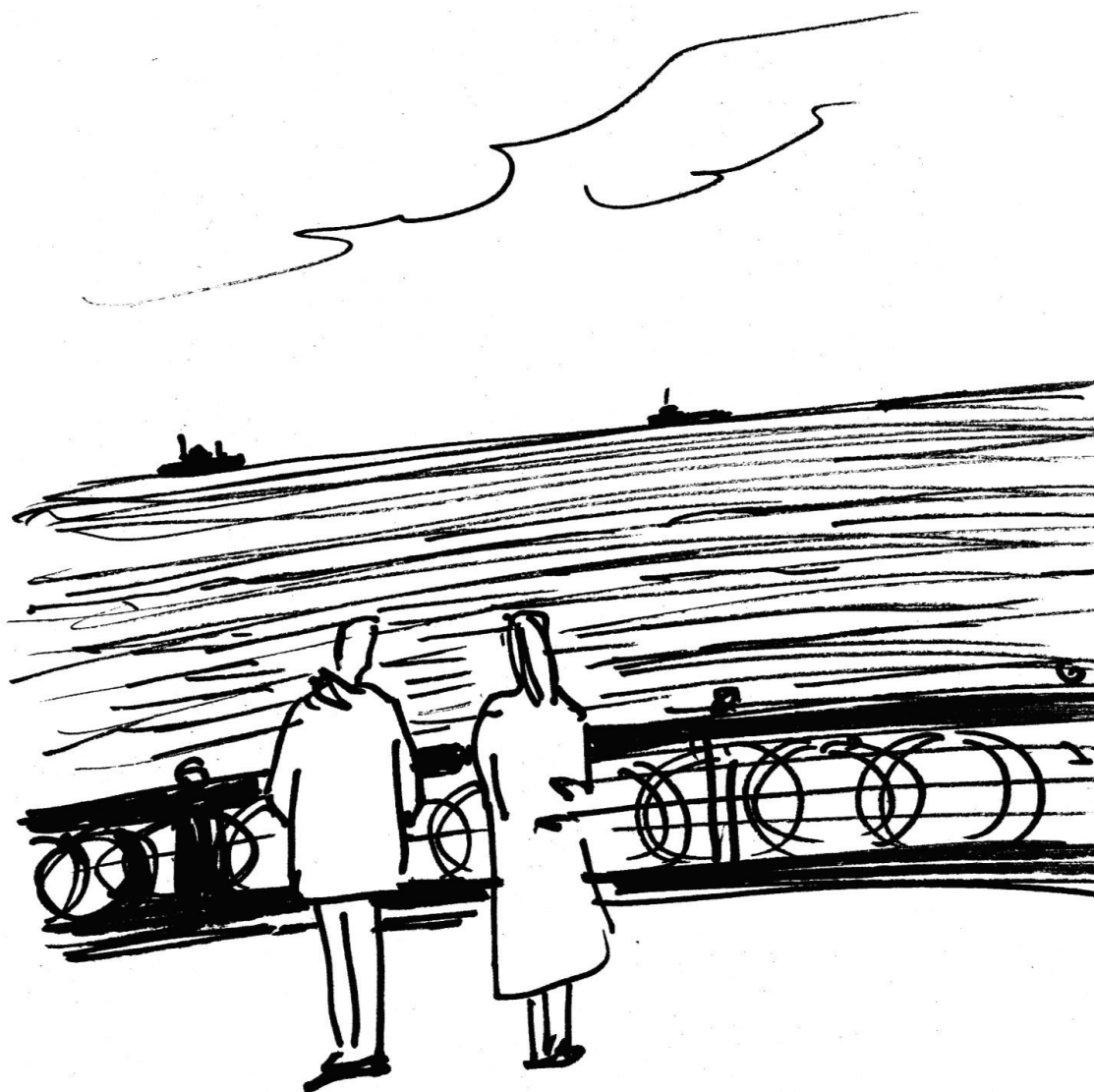
Шоссе носилось, притухая,
Кузьмич пыхтел возле сарая,
и на крыльце скучали мы.

Солнечко мое солнечко солное,
грибков бы тебе еще баночку,
посиди, погляжу, Машенька,
схожу в погреб принесу квашеной.

Пойдем завтра пораньше к вырубке,
там малины, чай, бабы ведрами,
и лукошко возьмем, белых-то.
Вот какая ты стала, поди узнай!

А тут ходит Кузьма, спрашивает,
я ему, стало быть, в городе.
Хорошо не забыла нас, ладно что,
попей простоквашки ещё.

Вентспилские записки

Labrīt! Labdien! Labvakar! Sveiki!
И полынья между домами
общины русской
и латышской
ее словами не закрыть
но улочки ведут безбедно
к заснеженному побережью
и точки, точки, запятые:
гуляет публика,
а море
обозначает корабли
и рай неведомой земли.
Uz redzēšanas! Sveiki!

Я полюбил мерцающие купы
искусственных деревьев
на берегу бульвара
и дворника с лопатой у окна
бежит тропинка сна
в приморском парке
бесплатно – снег
и классика органа
я лютеран люблю богослуженья
хотя прохладно в церкви Николая
ментальный ветер гонит в неизвестность
вот девушка из Вентспилского замка
стрельба из лука – древнее занятие
и сердцем понимаешь: пригвоздит

Это пространство их жизни
легкое и не обязывающее
ни к чему
прикосновений
почти не бывает
только улыбка
понимаемых интересов
воспроизводство среды

Церковь белых эмигрантов

что осталось – не осталось
два штыка в живот буржую:
близко родина моя
и стоят суда у мола
ритуал воспоминанья
по-латышски ектенья

У мола лениво жует
траву воды винт сухогруза
суда пасутся
ждут своего часа
захода в Венту
скульптура «Корова матрос»
в объективе
они подойдут, заговорят
и я не пойму в чем дело
подержу ребенка
вытряхну мелочь
«Сходи в магазин», – попрошу сына
и постепенно дойдет:
здесь мертвые и живые.
Ничего страшного.
Только что это значит?
Умереть легко
в здравом уме
накануне еще причаститься.
Но я говорю не о переходе
а о новом пространстве
просто реальность
такая же, как прогулка на рынок
и суета
обыкновенная проза жизни.
Тихо суда проходят плечо задевая
зеленый маяк гонит их
к терминалу

Поля снегов, поля души
Недвижны, только заяц пляшет
И хутора глядят антеннами
На запад снов
Автобус заберет в ближайший городок
Не рынок – шопотерапия
Капуста квашеная четырех сортов
Сметана – ложку ставь, не упадет
А рыбный погребок – весь соль и

Запах.
Обратная дорога в темноте
По тоненькой кишке от остановки
По отраженью Млечного пути.

Начало поста за границей
В портовом, заснеженном городке
Толстой, старопечатной страницей
Служба тянется, свечка тает в руке.
Бабушки пух и дамы-квадратики
Мужчины-спички, углы носов
И это – род избранный, харизматики
Освобождаются от оков
Не к совершенным пришел Господь
Преобразится и наша плоть

Что такое
касание к последним вещам
без пафоса и нажима
в режиме обыденной жизни?
Или быт совсем запрещен?
И только огонь
символы его,
вроде пайки хлеба
блокадного Ленинграда?
А если просто больное горло
И все равно
ребенка в садик вести
и на работу к восьми
условный конвейер
и он же, смею думать,
корабль —
бесконечности последней навстречу.

Всегда радуюсь
когда вижу морскую даль
вчера
солнце говорило со льдинами
а сегодня
волна разбивает остатки припая
небо брызнет весенним лучом
и сомкнется
на море ветрено и свободно

оно как бы открывает
пространство в душе
и оставляет зазор
между бытием
и быванием

Тропа через дюны
к побережью
всегда пробита

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.